

У Анастасии Вертинской стойкая репутация человека, не жалующего журналистов. Интервью не любит, дает крайне редко и всегда по поводу. Поскольку в кино Анастасия Александровна почти не снимается и свой театральный роман считает едва ли не дописанным, предлогом для встречи могла послужить разве что круглая дата в жизни актрисы. Я дождался ее декабрьского юбилея...

«Прав Булгаков, сказавший, что мессир не любит электрического света»

— Сравниваю ваши первые роли с последними, Анастасия Александровна, и понимаю: счет явно в пользу прошлого. На одной чаше — «Алые паруса», «Человек-амфибия» и «Гамлет», а на другой — «В городе Сочи темные ночи» и «Бременские музыканты»...

— Неужели нужно объяснять, что зачастую не актер выбирает, а его? Зависимая профессия... К тому же вы почему-то не назвали картину Юрия

— С коллегами кооперируетесь?

— Бессмысленно, у каждого фонда своя программа. И потом, кого вы называете коллегами? Заявленные цели порой весьма далеки от истинных, многие так называемые благотворители окончательно себя дискредитировали, отмывая деньги и занимаясь прочими малопочтенными делами. К сожалению, опорочена сама идея: иногда приходишь к уважаемым людям и невольно краснеешь за других, за тех, кого вы мне в коллеги записали... К примеру, ответьте, почему, на ваш взгляд, наша попса, продолжающая радостно распевать песни Марка

фотограф Валерий Плотников

Дочь в сценическом образе отца

Анастасия Вертинская:

Кары «Мастер и Маргарита». А зря. Десять лет прошло, но до сих пор сожалею, что фильм не вышел на экраны, зрители не увидели и не оценили мою работу.

Видимо, прав Михаил Булгаков, сказавший, что мессир не любит электрического света...

— Однако Владимир Бортко снимает сейчас телесериал по роману.

— Пожелаем ему удачи, но я приглашений в этот проект не получала. Поздновато мне уже играть Маргариту... Что касается упомянутых вами картин, то «Город Сочи» могли бы исключить из списка: это было двести лет назад! Я поддалась энергии заблуждения, дала себя уговорить. Увидела Фэй Данауэй в картине «Пьянь» и подумала: «Боже мой, какая красивая актриса, а во что себя превратила! И я хочу попробовать». Эксперимента ради согласилась сыграть в картине Пичула, надела железные зубы, нарисовала мешки под глазами, словом, постаралась придать себе карикатурно-кошмарный вид. Но затея оказалась пустой, опыт не удался, не следовало даже начинать. Одно радует: роль была не главной. Что же касается фильма Саши Абдулова, то картина, не спорю, получилась проходная, но я играла в ней всерьез, и мне совсем не стыдно за свою работу. Моя Атаманша — роль характерная, а именно такие мне по душе. Помню, сиделась в машину и ездил по городу, слушая фонограмму Ларисы Долиной и напевая себе под нос: «Го-во-рят, мы бяки-буки...» Иногда так увлекалась, что забывала о дороге. Водители гудели со всех сторон, крутили пальцами у виска. Впрочем, я ни на кого не обращаю внимания, когда иду к цели. Тогда для меня самым важным было сжиться с ролью.

— А сегодня?

— Мой счастливый случай в Благотворительном фонде актеров, который создала в 1991 году.

— Что вас подвигло на это?

— Затрудняюсь ответить. Может, генетика сказывается. Мой дедушка, Николай Вертинский, будучи известным киевским адвокатом, нередко отказывался от гонорара и бесплатно защищал интересы неимущих, что в ту пору считалось нарушением закона и адвокатского кодекса. После смерти деда за его гробом шла толпа людей, которым он помог. И папа после возвращения из эмиграции давал огромное количество благотворительных концертов, называвшихся тогда шефскими... Теперь, видимо, мой черед. Это внутренняя потребность.

От Ассоль до Атаманши

Анастасия Александровна с сыном Степаном Михалковым

Бернеса, не проведет хотя бы один концерт в поддержку вдовы певца? Лилия Михайловна живет очень трудно...

— Вопрос риторический, Анастасия Александровна, ответа не требующий.

— А я все же скажу: попса не жанр. Это диагноз!

— Ну а к Никите Михалкову вы обращались за помощью? Все-таки председатель Союза кинематографистов...

— А зачем мне это? Прийти и сказать: «Дай денег»? Будьте уверены: с Никитой Сергеевичем у меня остаются отличные отношения, он очень добрый человек, никогда не отказал ни в одной моей просьбе, думаю, и сейчас пошел бы навстречу, возникла острая нужда, но пока справляюсь без него. Впрочем, из сказанного не следует, будто я сторонюсь других. Если надо, обычно пускаю письмо по кругу, каждый жертвует сколько может. Что-то от Союза театральных деятелей дает Александр Калыгин, Олег Меньшиков от актерского товарищества добавляет... Кооперация в действии!

— Благотворительность — занятие благодарное?

— Не жду демонстрации признательности от тех, кому помогаю. Повторяю, я возвращаю долг и испытываю чувство

вины, что столь немногим могу хоть как-то облегчить существование. Понимаю: я всего лишь песчинка в пустыне, но жить и грести под себя неприятно...

«Приехав в СССР, папа стал мыслить иначе»

— У Александра Вертинского есть строчка: «Я знаю, даже кораблям необходима пристань...» Ваша пристань — это что, Анастасия Александровна?

— Мои мама, сын, внуки, сестра... Вот, пожалуй, самое важное, что есть у меня. Кстати, и папа эту песню пел, когда у него еще не было ни семьи, ни дома, ни меня с Машей. Женясь на маме и приехав с ней в СССР, он стал мыслить иначе:

И теперь

с новым смыслом и целью

Я, как птица,

гнездо свое выю...

Вертинский невероятно дорожил семейным уютом и обожал все, что с ним было связано, начиная с неизменных застолий в дружеском кругу по выходным и заканчивая стряпней нашей бабушки, умевшей печь потрясающие пироги и другие кулинарные изыски. Любимая папина мизансцена — тапочки, халат, пижама и кошка на руках. Отцу приходилось безумно много гастролировать, ездить по разрушенной войной стране, ночевать в холодных гостиницах, петь в малоприспособленных для концертов залах, оттого он так дорожил каждой минутой, проведенной с нами.

— Сегодня вы слушаете песни Александра Николаевича?

— Конечно. Я же реставрирую его голос.

Советская власть плюс электрификация всей страны со всей неотвратимостью вошла в меня и в Машу...

— Это работа...

— Одно нельзя отделить от другого. Песни папы сопровождают меня по жизни. Всегда.

— Есть любимая?

— «Желтый ангел». Считаю, это шедевр:

Вечерних ресторанах,
В парижских балаганах,
В дешевой

электрическом раю

Всю ночь ломаю руки

От ярости и муки

И людям

что-то жалобно пою...

— Почему-то думал, скажете: «Доченьки».

— Помните, чем песня заканчивается? Строками о том, как доченьки закроют папе оленьки...

Однажды мама взяла меня и Машу на концерт отца. Когда мы услышали этот финал, зарыдали вдвоем в полный голос. Такой вой подняли на весь зал! Папа был страшно зол, велел

больше никогда не брать нас с собой. Я тоже обиделась, две недели с папой не разговаривала. А зачем он такую гадость про кладбище спел?

— А правда, будто вы жалели, что не отец написал «Взвейтесь кострами, синие ночи»?

— Однажды за обедом папа внимательно посмотрел на меня и Машу и сказал маме: «По-моему, даа'гая, мы воспитываем наших дочек не как советских гаа'ждан». Тут же было принято решение отправить нас с сестрой в пионерский лагерь. С собой нам дали два роскошных немецких кожаных саквояжа, растягивающихся, как гармошка, куда няни положили теплые гамашы, рейтузы, гольфы, юбки, блузки, шарфы, шапки и еще кучу нужных и не очень в этой поездке вещей... Домой мы вернулись со старым фибровым чемоданом, на дне которого лежали сатиновые шаровары с вышитым именем «Коля К.» и голубоватая — бывшая белая — застиранная майка с надписью «Третий отряд».

— Остальное добро нашло других владельцев?

— Именно! Тот отдых врезался в память страшным чувством голода и тучами комаров. Еще не забуду чувство стыда, которое испытывала каждый раз, когда на торжественной линейке лагерь хором пел про костры и синие ночи. Мне так было горько, что мы с Машей не дети рабочих и что песню о них написал не наш папа! Не могла понять, почему он все время сочиняет про каких-то клоунов, балерин и снегопур...

— Про что, простите?

— Папа пел: «В бананово-лимонном Сингапуре, в бури», — а я такого названия не знала и представляла себе что-то снежное, связанное с пургой. «Снегопур», одним словом... Короче говоря, из пионерлагеря мы приехали другими детьми.

— Советскими гражданами?

— Ну да! Вихрем пронеслись мимо родителей и побежали на кухню, где стали руками хватать из кастрюли бабушкины котлеты и жадно запихивать в рот... Два дня при помощи керосина бабушка пыталась вывести вшей, накрепко поселившихся в наших волосах. Ничего не помогало. В итоге нас обрили наголо и с двумя боннами отправили в Сочи, но советская власть плюс электрификация всей страны со всей неотвратимостью вошла в меня и в Машу: мы уже стали оторвами — научились ругаться, драться...

— Так вот она откуда, ваша Атаманша!

— О чем вам и говорю! А вы все: Ассоль, Ассоль...

■ Андрей Ванденко.